

ПОВЕСТЬ О ДОМЕ ТАЙРА

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44
П 42

平家物語

Перевод с японского Ирины Львовой

Перевод стихов Александра Долина

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

В оформлении использованы портреты Кикүти Ёся из «Дзэнкэн Кодзицу», иллюстрации из старопечатных и рукописных книг и свитков, а также ксилографии художников стиля укиё-э и изображения с предметов декоративно-прикладного искусства Японии.

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-26372-7

© А. А. Долин, перевод стихотворений, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Иностранка®

ПРЕДИСЛОВИЕ

I

Кто и когда написал «Повесть о доме Тайра»? Кто автор этого сочинения, до сих пор популярного в японском народе? Первые сведения о создателях «Повести» сообщает поэт и прозаик японского Средневековья монах Кэнко (1283–1350) в своей знаменитой книге «Записки от скуки»: «В царствование императора Го-Тобы жил на свете Юкинага, прежний правитель края Синано, известный своей ученостью... Сей монах Юкинага создал „Повесть о доме Тайра“ и обучил слепца по имени Сёбуцу рассказывать эту повесть. А Сёбуцу, уроженец восточных провинций, расспрашивал воинов-самураев о ратных делах и о них самих и помог Юкинаге все это описать. От рождения обладал Сёбуцу исполнительским даром; нынешние певцы-сказители все ему подражают»*.

Итак, один человек, «известный ученостью», создал «Повесть», а затем «обучил» другого... Знакомая, традиционная версия! В Японии у каждого прославленного сочинения обязательно должен был быть автор, в крайнем случае допускалось содружество двух таких авторов. Именно так, согласно традиции, появилось в 712 году, на заре японской истории, древнейшее произведение японской литературы «Записи о древних делах» (*яп.* Кодзики). Только по сравнению с «Повестью» творцы «Записей» как бы поменялись местами: сперва, как сказано в предисловии, слепой певец выучил наизусть мифы и легенды, бытовавшие в народе, а уж потом некий ученый муж оформил и записал их в назидание потомкам... Однако современная филологическая наука, не отрицая важной, благотворной роли людей, превращавших устные сказы в произведения литера-

* *Ясутаро Сано.* «Записки от скуки» монаха Кэнко. Токио, 1943. С. 157. См. также: *Горегляд В. Н.* Кэнко-хоси. «Записки от скуки». М., 1970. С. 151.

туры, убедительно доказывает иное, фольклорное происхождение эпических памятников Японии.

Из книги монаха Кэнко, умершего в 1350 году, явствует: уже в первой половине XIV века «Повесть о доме Тайра» существовала как законченное, сложившееся произведение. Следовательно, возникла она в XIII веке, по свежим следам событий, всколыхнувших всю Японию в конце XII столетия и ставших важным рубежом в ее исторической судьбе. «Повесть» дошла до наших дней во множестве списков, варьирующих один и тот же сюжет — борьбу двух военно-феодалных домов Тайра и Минамото. По свидетельству японских филологов, ни одно произведение средневековой литературы не имеет столько разночтений и вариантов, как «Повесть о доме Тайра», начиная от самых ранних, коротких списков и кончая пространными, длинными, бытовавшими даже под отдельными самостоятельными заголовками, такими, например, как «Повесть о расцвете и гибели домов Тайра и Минамото». Наличие столь большого количества вариантов уже само по себе говорит о фольклорном происхождении «Повести», отдельные части которой возникали стихийно, а затем вставлялись или, напротив, изымались из письменных текстов.

Став произведением литературы, «Повесть» обрела новую, качественно отличную жизнь: произошла своего рода дефольклоризация эпоса.

Что же касается певцов-сказителей, о которых говорится в книге монаха Кэнко, то такие певцы существовали в Японии еще в древние времена. Были они и в Средние века. Сведения о странствующих сказителях, профессиональных исполнителях различных баллад и сказов, встречаются уже в источниках X века. Чаще всего бывали они слепыми. В народе их прозвали «монахами с лютней» (*яп.* бива-хоси), потому что голова у них была обрита, как у буддийских монахов, а свои сказы они распевали под аккомпанемент лютни, отдаленно напоминающей нашу домбру. Такую лютню, струны которой издают низкий, глубокий звук, завезли в Японию из Китая, куда, в свою очередь, лютня попала из Ирана, с которым в те отдаленные времена шла оживленная торговля по знаменитому Шелковому пути. Средневековая японская живопись запечатлела этих «слепых бандуристов» средневековой Японии и на уличных перекрестках, и во дворцах знати. Несомненно, что они-то и были

первыми создателями «Повести», а уж потом ученые люди превратили их сказы в произведение литературы.

Слепой сказитель Сёбуцу и «прославленный ученостью» Юкинага, о которых говорит Кэнко в «Записках от скуки», воспринимаются как обобщенные образы типичных фигур той эпохи. Ясно, что наставником слепого уличного певца мог быть лишь тот, кто был во всеоружии знаний своего времени, человек литературный, начитанный. В конечном итоге не так уж существенно, был ли то именно Юкинага или в процессе записи сказов к ним приложили руку несколько человек: совершенно очевидно, что они, ученые люди, обогатили содержание «Повести» достижениями японской литературы, уже имевшей к XIII столетию многовековую историю. Больше того, именно они привнесли в «Повесть» богатство чужеземной культуры Индии и в особенности Китая, язык и литература которого в свое время сыграли для Японии ту же роль, что язык и литература Рима и Греции для средневековой Европы. Трудам и таланту этих людей «Повесть» обязана многими художественными достоинствами.

И все же одной лишь эрудиции ученых людей было бы недостаточно, чтобы превратить «Повесть» в столь популярное — если не в самое популярное — произведение из всего, что создано многообразной японской литературой эпохи Средневековья. Секрет всенародного признания «Повести» кроется, на наш взгляд, в том, что она ярко передает думы и чувства людей своего времени, рассказывает не только о том, что *делали* эти люди, но и о том, что они *чувствовали*, чем жили, как страдали и радовались, что любили, а что ненавидели, иными словами, приоткрывает нам духовный мир тех, кто жил в эпоху, столь отдаленную от нашего времени. Недаром выдающийся японский филолог Итиноскэ Такаги (1888–1973) назвал одну из своих фундаментальных работ, посвященную литературе эпохи феодализма, «Повесть о доме Тайра. Окно в Средние века». Лирический — в широком смысле этого понятия — характер повествования давно уже отмечен филологами как одна из наиболее своеобразных особенностей японской литературы начиная с момента ее возникновения. В большой степени присущ он и «Повести о доме Тайра», составляя ее притягательную черту. Этот лирический характер повествования позволяет нам увидеть происходящие в «Повести» события глазами живших тогда людей, заглянуть

в их своеобразный духовный мир. Но прежде чем говорить, из чего складывался этот духовный мир, необходимо хотя бы в самых коротких словах сказать, что представляла собой Япония в том далеком XII столетии, в обстановке которого разворачиваются события «Повести».

II

Это было феодальное государство, где власть от века принадлежала родовой потомственной аристократии в лице ее верховного представителя — императора, считавшегося прямым потомком богини Солнца, Аматэрасу. Хотя закон, установленный еще в VII веке, гласил, что земля, единственный источник экономического богатства и политической власти в те времена, является собственностью государства, а «добрый народ» (как, в духе конфуцианской терминологии, официально именовались те, кто обрабатывал эту землю) лишь периодически получает в пользование от государства земельные наделы в соответствии с численностью своих семейств, однако к XII веку дело фактически обстояло совсем иначе. «Нет земли под небесами, неподвластной государю!» — гласила древняя китайская песня, хорошо известная и в Японии. Но в полном противоречии с такой декларацией львиная доля японской земли в XII веке уже превратилась в частную феодальную собственность, принадлежавшую крупным и мелким владельцам вместе с прикрепленным к этой земле «добрым народом».

Это были привилегированные наделы аристократии, кормовые пожалования монастырям и, наконец, вновь осваиваемые земли на малозаселенном северо-востоке острова Хонсю, где японцы постепенно вытеснили в кровопролитной борьбе коренных жителей — айнов. К XII веку дело дошло до того, что в Центральной Японии, в так называемых Пяти Ближних землях, почти не осталось государственной земли, и, вместо того чтобы платить подати государству, сиречь — императорскому дому, крестьяне, работавшие на земле, принадлежавшей феодалу или монастырю, платили теперь подать своим непосредственным господам. Те же, в свою очередь, нередко вовсе отказывались подчиняться центральной власти, откровенно бунтовали против нее с оружием в руках. Неудивительно поэтому, что борьба за овладение землей велась непрерывно с нарастающей силой, то затихая, то вновь усиливаясь, на протяжении

всей так называемой эпохи Хэйан, как именуются в японской истории четыре столетия, с IX по XII век.

Название «Хэйан» дано этому периоду по названию столицы, основанной в 794 году (современный г. Киото). Слово «Хэйан» в переводе означает «мир и покой». Звучит парадоксально, если вспомнить почти непрерывную цепь кровопролитных сражений, происходивших в эту эпоху! Правда, поначалу эти сражения велись на периферии страны, в отдаленных от столицы районах, и, главное, центральной власти в столице до поры до времени удавалось, хоть и не без труда, усмирять эти бунты.

В самой столице расстановка политических сил тоже была достаточно сложной. Старинный аристократический род Фудзивара, соперничавший в мощи с императорским домом и также претендовавший на божественное происхождение, давно уже обладал такой громадной земельной собственностью, что это позволило ему, формально не посягая на прерогативы верховной власти, диктовать свою волю императорам. По своему усмотрению возводя на престол малолетних принцев, Фудзивара присвоили себе наследственную привилегию — должность регентов, а при совершеннолетнем императоре — канцлеров. Этот ключевой пост давал дому Фудзивара возможность долгое время быть фактическим диктатором страны.

Императорский дом пытался сопротивляться. С этой целью еще в конце X века был учрежден институт курандо, нечто вроде личного секретариата при императоре, позволившего императорскому двору действовать в обход государственного аппарата, целиком подчиненного Фудзивара. Институт курандо был, в сущности, уже первым шагом на пути к двоевластию. Но еще более причудливые формы организации политической власти возникли в XI веке, когда была создана так называемая система «инсэй» — «монастырского правления». Суть ее заключалась в том, что, стремясь освободиться от диктата всесильных Фудзивара, император добровольно отрекался от трона в пользу наследника, как правило — ребенка, зачастую не достигшего даже десятилетнего возраста, а сам, приняв монашеский сан, как бы удалялся от мира (резиденция такого экс-императора образно именовалась Приютом отшельника). Однако на деле этот император-отшельник имел свой двор, отдельный от императорского двора, свой штат придворных, свою дворцовую стражу и прочие атрибуты власти. Отсюда, из Приюта отшельника, он пытался по-своему управлять государством. Отношения между двором

царствующего императора-ребенка, при котором Фудзивара по-прежнему исполняли должность регента, и Приютом отшельника, двором императора-монаха, фактически носили антагонистический характер. Борьба шла за ключевые должности в общегосударственном и провинциальном административном аппарате, за отторжение земель, за превращение их в личную собственность и т. д. Немалую роль играли и династические распри.

Система «инсэй» оказалась эффективным орудием в руках императорского дома, позволив ему постепенно ослабить засилье рода Фудзивара; в XII веке, в особенности начиная с его середины, власть дома Фудзивара окончательно ослабела. Это не означало, однако, что победа осталась за императорским домом. К этому времени на исторической сцене появился новый грозный противник.

До сих пор борьба шла внутри аристократии, будь то императорский дом Сумэраги или старинный род Фудзивара: теперь господству и тех и других в равной степени положил конец новый протагонист — воинское сословие, самураи. Но прежде чем окончательно вырвать власть из рук старинной родовой аристократии, самурайству в лице его наиболее могущественных представителей, феодальных домов Тайра и Минамото, предстояло решить спор между собой. Решающая схватка развернулась в 80-х годах XII века, хотя соперничество между этими двумя домами началось еще несколько десятилетий назад. Но теперь борьба уже не носила характера локальных стычек, отдельных восстаний и бунтов в различных районах страны, как то случалось в предыдущие годы. Теперь война охватила всю Японию, вовлекла обширные слои населения, в ее итоге коренным образом изменилось политическое устройство страны, начался новый этап ее истории — эпоха развитого феодализма. Трагические события этой борьбы надолго запечатлелись в народной памяти. Они-то и составляют содержание «Повести о доме Тайра».

III

Слово «самурай» происходит от старинного глагола «самурау» — служить, охранять. Самурай — человек, основным занятием которого является несение воинской службы, нечто вроде старого русского понятия «служивый». Самурайские дружины, эти отряды профессиональных воинов, сформировались исподволь, по мере роста

земельной собственности, которую владельцам надо было защищать — в первую очередь от крестьян, то и дело восстававших против невыносимо тяжкого феодального гнета, но также и от соседей, таких же феодалов-землевладельцев, стремившихся расширить свои владения путем насильственного захвата чужой земли. Защита требовалась и от многочисленных разбойничьих шаек, буквально наводнивших страну в эту эпоху «покоя и мира» (в основном это были крестьяне, бежавшие, несмотря на угрозу жестоких наказаний, от своих господ); дерзость этих отчаявшихся, голодных людей доходила до того, что они грабили амбары и склады прямо в столице, принадлежавшие даже самому императорскому двору.

Отряды вооруженных монахов-воинов имелись и при крупных монастырях. Дом Фудзивара содержал своих самураев, императорский двор — своих, императоры-иноки в своем Приюте отшельника тоже, разумеется, не обходились без самурайской дружины. До поры до времени эти воины-самураи, занимая одну из самых низких ступеней на социальной лестнице эпохи Хэйан, были, казалось, послушными слугами своих нанимателей. Они считались простолюдинами, аристократия относилась к ним с презрением. Но к середине XII века положение коренным образом изменилось. Возникли сильные феодальные дома, владевшие не только обширными землями, но — и это главное — военной силой.

Между тем аристократия никакой своей армии не имела. Пышные наименования военачальников дворцовой стражи, присвоенные отпрыскам аристократических семейств нередко еще в детские годы, носили чисто декоративный, церемониальный характер. Больше того, вековая традиция предписывала аристократу с презрением относиться к военному делу, оно считалось уделом грубых мужланов-неучей, аристократам же подобало заниматься науками, литературой, искусством... Таким образом, аристократии во главе с императорским домом нечего было противопоставить военному и политическому напору сословия самураев, кроме интриг. Однако интриги, даже самые изошренные, — плохое оружие против меча. С середины XII столетия фактически диктатором Японии становится феодальный дом Тайра, завладевший к этому времени, как о том говорится в «Повести», большей частью всей японской земли. Двадцать с лишним лет продолжалось самоуправное владычество феодальных князей Тайра, а затем наступил конец — весной 1185 года, 24 марта, в решающем морском сражении в Симоносэцком про-

ливе дом Тайра окончательно пал под натиском более мощных самурайских дружин, воевавших под знаменами Минамото, другого могущественного феодального дома*.

Минамото пришли с востока, то есть из восточных провинций главного японского острова Хонсю. Они-то и оказались в конечном итоге победителями в долгой кровавой борьбе за власть. «Повесть» часто именует их «восточными дикарями», в многочисленных эпизодах рисует их жестокость и грубость, высмеивает невежество. Тем не менее они предстают перед нами как носители вновь формирующейся морали, морали воинского сословия. Этические категории, определявшие поведение воина-самурая, были важнейшей составной частью его мировоззрения. Переплетаясь с буддийскими и конфуцианскими идеями, эти новые этические категории стали неотъемлемой частью духовного мира воинов-самураев, главных героев «Повести».

IV

Этика самураев, кодекс самурайской чести, бусидо...** Все эти понятия, известные ныне далеко за пределами Японии, приобрели в нашем XXI веке, увы, печальную славу. Кто не знает, что идеологическим оружием японского империализма был именно этот пресловутый кодекс, что мораль самураев вколачивалась в головы японцев на протяжении долгих лет существования милитаристского японского государства, служила оправданием его многочисленных преступлений против соседних с Японией народов Азии. Кодекс самурайской чести (бусидо), в его законченном виде сложившийся в XVI–XVII веках, продолжал оставаться на вооружении у идеологов милитаристской Японии вплоть до ее капитуляции в 1945 году во Второй мировой войне. Как известно, в наши дни снова находятся охотники воскресить эти средневековые догмы.

* Читатели, несомненно, обратят внимание на неправдоподобно огромное число боевых судов, якобы участвовавших в этой битве. Также невероятно велики воинские контингенты при описании сухопутных сражений. Следуя эпической традиции, «Повесть» явно преувеличивает численность войск обеих сражающихся сторон. По тем временам самая большая воинская дружина могла насчитывать 5–6 тысяч всадников.

** *Бусидо* (букв.: «путь воина») — такое название получил кодекс самурайской чести в последующие века (начиная примерно с XVI в.).

В XII веке все, разумеется, обстояло совсем иначе. Борьба за землю, за власть над этой землей диктовала рождение новых, специфических моральных устоев. В ту далекую пору заповеди самурайской морали в общем не отличались от нормативов рыцарской чести в феодальной Европе. Храбрость восхвалялась, трусость порицалась. Верность считалась добродетелью, измена — пороком. «Повесть о доме Тайра» рисует множество конкретных примеров этих традиционных положений рыцарства, о какой бы стране ни шла речь.

Идея верности, вассального долга, усиленно культивируемая в последующие века как один из краеугольных камней самурайской морали, присутствует и в «Повести» в качестве важного компонента кодекса самурайской чести. «Повесть» с недвусмысленной прямотой высказывается о подлинной основе этой вассальной верности — таковой является расчет на материальное вознаграждение от господина. «Что толку, что ты срубишь мне голову? — говорит своему противнику поверженный в схватке самурай. — Все равно награда тебе выйдет только в том случае, если твой господин снова будет благоденствовать в прежнем довольстве!» «Владельцы господа могут прославиться подвигами своих вассалов, — говорят друг другу накануне сражения братья Кавара. — А таким хитрым, как мы, приходится добывать славу своими руками!..» В ответ на вопрос полководца Ёсицунэ, что представляют собой рядовые самураи, взятые в плен после удачной битвы, его вассал отвечает: «Им все равно, какому господину служить. Кто будет властвовать над страной, тому они и будут верны!» — после чего Ёсицунэ без малейшего колебания включает бывших пленников в свое войско, очевидно не усматривая в подобных мотивах ничего необычного.

Та же причина — надежда на материальное вознаграждение — определяла стремление самурая вступить в бой первым и при этом обязательно на глазах у своих соратников; конечно, здесь присутствовало и гипертрофированное честолюбие, и желание похвастать воинской доблестью, но главное было в другом — нужны были свидетели, которые, в случае смерти воина, подтвердили бы исполнение долга, чтобы вознаграждение досталось семье убитого, его вдове и детям.

Интересно и ценно, что «Повесть о доме Тайра», рисуя множество конкретных ситуаций, в которых оказываются ее герои, не

просто иллюстрирует отдельные положения самурайской морали, но и отчетливо демонстрирует авторское отношение к этим нравственным нормам и, что особенно примечательно, далеко не всегда оценивает их положительно. Это авторское отношение зачастую не совпадает с идеалами кодекса самурайской чести. Известно, что презрение к смерти, готовность отдать жизнь за своего господина как высшее проявление вассальной верности, более того — решимость покончить с собой в случае гибели господина считается едва ли не самой главной категорией в своде доблестей самурая. Она-то и привела к возникновению обычая харакири, заимствованного, как о том говорится в исследованиях некоторых ученых*, от айнов, с которыми воинам северо-восточных провинций на протяжении долгого времени приходилось не только сражаться, но и общаться. В последующие века, пожалуй, никакая другая из заповедей кодекса самурайской чести не прославлялась, возвеличивалась и пропагандировалась так усердно, как именно эта готовность к смерти. В XX веке не только у японских, но и у некоторых западных «теоретиков» возникла даже целая концепция, поэтизирующая самоубийство чуть ли не как специфическую особенность японской нации, как нечто возвышенное, прекрасное. «Повесть о доме Тайра» тоже рисует сцены самоубийства (правда, харакири здесь отнюдь не единственный способ свести счеты с жизнью), но только как акт отчаяния, совершаемый в безвыходном положении: самураи XII века хорошо знали, что плен равнозначен смерти, только более мучительной... Примечательно, однако, что «Повесть» не только не прославляет смерть, но, напротив, неоднократно в прямых высказываниях утверждает самоценность жизни как высшего блага, дарованного человеку. «Что ни говорите, а жизнь дороже всего!» — говорит Нарицунэ Фудзивара, один из ссыльных на острове Демонов. «Только сейчас я понял, как драгоценна жизнь, как она дорога, когда дело идет о собственной жизни!» — восклицает князь Томомори Тайра, чудом спасшийся от преследования врагов. «Известно, что жизнь дороже всего на свете, — рассуждает другой самурай. — Для всех людей, и благородных, и низкородившихся, жизнь в равной степени драгоценна. Говорят, что люди предпочитают уйти от мира, постричься в монахи, лишь бы сохранить жизнь!» И совсем уж неожиданно в устах феодального воина, в полном противоречии со всеми устоями самурай-

* *Спеваковский А. Б.* Самурай — военное сословие Японии. М., 1981. С. 40–41.

ской морали, звучит наставление, которое дает своей жене князь Корэмори, уезжая на битву: «Если ты узнаешь, что я убит, не смей и думать о том, чтобы удалиться от мира, принять постриг... Снова выходи замуж, спасись сама и воспитай наших деток... Не может быть, чтоб на свете не нашлось доброго человека; он тебя пожалует!» Все эти высказывания вложены в уста положительных героев «Повести», которым выражено сочувствие, душевное благородство которых всячески подчеркнуто. Бросается в глаза, что авторское отношение к категориям самурайской морали, как оно показано в «Повести», выглядит по меньшей мере неоднозначно.

Еще в большей степени нетрадиционна оценка категории мужества. Храбрость и мужество, присущие самураю, прямым своим следствием предполагают беспощадность к врагу. Вот эту-то беспощадность, проще сказать жестокость, «Повесть» решительно осуждает. Порицание жестокости как следствия выполнения самурайского долга особенно зримо выступает в знаменитом эпизоде гибели юного Ацумори Тайра. Старый закаленный воин Кумагай, вынужденный убить Ацумори, сам называет свой поступок безжалостным («Какое безжалостное убийство я совершил!»), а затем прямо говорит, что «столь жестокое убийство» ему пришлось совершить только потому, что он родился в самурайской семье; непосредственно вслед за этим убийством Кумагай навсегда порывает с самурайским сословием, уходит в монахи, чтобы замолить грех, тяжким бременем лежащий у него на душе. История Кумагайя и Ацумори выразительно показывает отрицательное отношение к некоторым устоям самурайской морали, нередко вынуждающим человека поступать против собственной воли и совести, совершать акты бессмысленной жестокости.

В равной степени осуждается в «Повести» и коварство, неразрывно связанное с той же жестокостью, — вероломное нападение на безоружного. Не случайно эпизод, в котором самурай убивает доверчивого юношу-рыбака, указавшего ему брод, со временем лег в основу прекрасной пьесы средневекового театра Но, где к самураю-убийце является дух матери убитого юноши и горько упрекает его в жестоком и коварном поступке.

Отношение к самурайской морали, как оно представлено в «Повести», весьма дифференцировано: отвага, мужество, честность, способность сострадать человеку в беде восхваляются, жестокость, ве-

роломство, коварство прямо и недвусмысленно отвергаются. Жизнь человеческая почитается высшей ценностью. Самоубийство трактуется как мужественный поступок в безвыходной ситуации, и не более того. Впрочем, примириться с неизбежной смертью активно помогала религия, буддийское вероучение. Даже если не считать религию главным формирующим фактором идеологии самурайства, все же нельзя отрицать, что она занимала в духовной жизни самураев важное место. Буддизм по-своему, но достаточно стройно объяснял мучительные противоречия жизни, служил напутствием и, конечно же, утешением в предвидении ежеминутно грозившей смерти.

V

Буддизм проник в Японию из Китая через Корейский полуостров вместе с корейскими переселенцами в начале VI века, когда завершался процесс формирования японского феодального государства, и постепенно завоевал позиции ведущей религии, потеснив доморощенных японских богов, детищ уходящего в прошлое родового строя. Поначалу распространение буддизма проходило отнюдь не мирно, при дворе оно сопровождалось ожесточенной, даже кровопролитной борьбой, носившей отчетливо выраженный политический характер. В конечном итоге победа осталась за буддизмом. Феодальное государство оценило преимущества новой религии, в особенности учений буддийских сект Хоссо и Кэгон с их культом верховного божества Вайрочана (Лучезарного; *яп.* Русяна, Бирусяна), которого к тому же было легко идентифицировать с главным божеством исконного японского культа, с богиней Солнца, Озаряющей Небо Аматаэрасу. В VIII–IX веках буддизм уже совершал победоносное шествие по Японии: оформились его ведущие секты — Сингон и Тэндай, возникли величественные храмы — храм Тодайдзи в г. Наре, с его самой большой в мире металлической статуей будды Вайрочана; близ Нары возник монастырь Кофукудзи, на горе Хиэй — монастырь Энрякудзи, на горе Коя, в краю Кии, появился монастырь секты Сингон. Буддизм искусно приспособился к местным условиям, объявив японских божеств бодхисатвами и создав таким образом модус вивенди для двух религий, исконной — синто и новой — буддизма. Понадобилось сравнительно немного времени, чтобы буддизм приобрел классические черты рели-

гии эпохи феодализма — стал крупным держателем земель, активно вмешивался в политику, содержал вооруженные отряды монахов-воинов, не уступавших в жестокости и воинственности военным формированиям западноевропейских монашеских орденов. «Повесть о доме Тайра» запечатлела образы этих монахов-воинов, их бесстрашие и свирепость, вполне равные воинским качествам светских рыцарей. «Повесть» выразительно свидетельствует о тесной связи буддийского клира с императорским домом и его аристократическим окружением, рисует интриги, систему подкупов, корыстолюбие и прочие черты, характерные для средневековой церкви, в какой бы части света она ни находилась.

Разумеется, роль новой, пришедшей из-за моря религии не сводилась только к негативным аспектам. Буддизм принес с собой в Японию плоды культуры высоких цивилизаций древности — Индии и Китая. Расцвела архитектура, возникли величественные храмы, с которыми не шли в сравнение примитивные капища японских богов, появились живопись и скульптура, изображавшие бесчисленный пантеон буддийских божеств, возник сложный торжественный церемониал. Все это вызвало к жизни новую, высокую для своего времени технику: совершенствовались ткацкое, гончарное, кузнечное ремесла, изучались науки — математика, астрономия, медицина и, конечно, основа основ всякой культуры — грамота. Письменность, неразрывно связанная с Китаем, с его языком, этой «латынью Дальнего Востока», была известна в Японии с давних времен, однако несомненно, что буддизм в значительной степени способствовал ее распространению и приспособил ее для нужд японского языка. Наконец, нельзя не отметить появление в этот период в рядах буддийского духовенства выдающихся деятелей культуры, таких, например, как монахи Кобо-дайси (774–835) и Дэнгё-дайси (767–822), основатели буддийских сект Сингон и Тэндай, обоих можно с полным основанием назвать одними из первых просветителей Японии.

Но как бы ни велики были плоды материальной культуры, которые дал Японии буддизм, едва ли не большее значение имело его влияние на духовную жизнь средневекового японского общества. Буддийское мировоззрение стало ведущей формой идеологии средневековой Японии.

Как и всякая религия, буддизм учил, что земная жизнь человека всего лишь краткий этап на пути к вожделенной цели — вечной

жизни в блаженной обители небытия, нирване. Эта идея подкреплялась несколькими главными догматами буддизма: идеей недолговечности, эфемерности всего сущего, учением о непрерывном круговращении жизни и смерти, законом причины и следствия, кармой. Согласно буддизму, живые существа в нашем мире совершают непрерывную цепь перерождений; от поведения самого человека зависит, в каком из миров предстоит ему вновь возродиться к жизни после кончины: праведник может попасть на небо, грешнику угрожает ад или новое появление на свет в образе какой-нибудь бессловесной твари, может быть, даже насекомого... Конечная цель — вырваться из этой цепи перерождений в сферу абстрактной духовности, полного недеяния, в Ничто; таков, согласно буддизму, единственный путь избавления от страдания, неизбежно сопряженного со всякой жизнью.

Впрочем, предоставляя лишь немногим избранным ученым-буддистам постигать философские доктрины буддизма с их идеей абстрактного духа, существующего вне материального мира, всем остальным буддийская церковь предлагала вполне конкретное описание рая с его сложной иерархией и целой галереей богов, божеств, небожителей, детально рисовала устройство ада с его шестью сферами, где обитают черты, вооруженные орудиями пытки. Красочный пантеон буддийских божеств численно, пожалуй, даже превосходит пантеон католических и православных святых, вобрав в себя сонм богов индуизма, доморощенных японских богов, а также некоторых божеств китайского происхождения. У каждого из них свои функции: богиня Каннон — милосердная заступница всех страждущих, Якуси — целитель недужных, Дзидзо — покровитель и защитник детей, Мариси — защитница воинов; самураи почитали ее наряду с Хатиманом, чисто японским божеством, также объявленным бодхисатвой и тоже покровителем воинов...

Как и всякая религия в Средние века, буддизм служил государству, тесно слился с правящим классом. Его высшие иерархи назначались из числа принцев крови. Его ритуалы были полны мистики, суеверий, процветали всяческие заклинания, изгнание злых духов, откровенное шаманство, гадание, проклятия в адрес бунтовщиков — «врагов трона» и т. п., — короче, буддизм располагал полным набором средневековых религиозных атрибутов. «Повесть о доме Тайра» буквально пестрит эпизодами, рисующими религиозные ак-

ты такого рода. Житийные повествования, рассказы о чудесах, творимых верой, занимают среди этих эпизодов большое место.

Однако в переломные, критические моменты Средневековья каждой церкви приходилось сталкиваться с появлением ересей. Возникновение ересей — явление сложное, обусловленное целым рядом причин, неоднозначных в разные времена и в разных странах. Тем не менее они с удивительной закономерностью возникали как на Западе, так и на Востоке. Пришлось столкнуться с еретическими учениями и ведущей религии японского Средневековья — буддизму. В XII–XIII веках оппозиционным учением, противостоявшим традиционным сектам Сингон и Тэндай, стало учение Дзёдо и Дзёдо-синсю, учение Чистой земли, как именовался рай, где верховным божеством был будда Амида (*санскр.* Амитабха). Вероучение Дзёдо, носившее отчетливо демократический характер, зародилось еще в X веке и отмечено появлением известных проповедников. Многих из них можно считать выразителями чаяний самых широких народных масс. Пропагандисты амидаизма упрекали традиционные буддийские секты в забвении истинной сути учения Будды, разоблачали корыстолюбие и высокомерие высокопоставленных буддийских иерархов, не останавливались перед упреками в адрес светских правителей государства. Все это сочеталось с подчеркнутой простотой концепций амидаизма, что делало его особенно привлекательным в глазах самых широких слоев населения. Религия Дзёдо, Чистой земли, обещала всем людям рай не в награду за строительство храмов и пагод, не за богатые дары, подносимые церкви; для этого достаточно было просто верить в будду Амиду и как можно чаще звать к нему, произнося его имя, а это делало амидаизм доступным даже для неграмотного и, главное, для нищего человека. Неудивительно поэтому, что такие представители вероучения Дзёдо, как монахи Гэнку (он же Хонэн, 1133–1212) или Синран (1174–1268), а несколько позже Нитирэн (1222–1282), заступники простого народа, смело обличавшие несправедливость власть имущих, подвергались гонениям: их преследовали, ссылали в отдаленные, необжитые районы страны, случалось, даже грозили смертной казнью, хотя закон запрещал казнить лиц духовного звания.

«Повесть о доме Тайра» написана целиком с позиций амидаизма. Среди героев «Повести» мы видим реальные исторические фи-

гуры адептов этого вероучения — идеализированный образ монаха Хонэна, окончившего свои дни в ссылке; гиперболизированный в духе эпической традиции образ монаха Монгаку (1120–?), неукротимого воителя за справедливость, отчего и пришлось ему тоже умереть в ссылке. Об умонастроениях этого бунтаря выразительно говорит стихотворение танка, авторство которого традиция единогласно приписывает Монгаку:

Когда бы повсюду
Наместники перевелись,
Бандиты и воры,
Как бы стало легко и привольно
Всем живущим на белом свете!

В «Повести» с глубоким пиететом излагаются поучения Хонэна, с восхищением, иногда даже с теплым юмором описаны удивительные приключения Монгаку, уделено много места описанию подвигов веры этих монахов, а также подробному изложению догматов исповедуемого ими вероучения Дзёдо. Именно эту разновидность буддизма исповедуют все положительные персонажи «Повести», мужчины и женщины, будь то знатные князья или простолюдины-слуги, бывшая императрица или простая девушка, танцовщица и певица. Симпатии создателей «Повести» целиком принадлежат амидаизму, что лишний раз свидетельствует о народном характере всего эпоса в целом.

Ревностными приверженцами буддизма показаны в «Повести» все главные действующие лица, воины-самураи, в особенности те из них, которым симпатизирует рассказчик. Это и не могло быть иначе: положительный герой средневекового книжного эпоса должен был быть богобоязненным и благочестивым. Перед смертью он обращает помыслы к Будде, умирает, как подобает благочестивому буддисту. В эпизодах такого рода особенно явственно чувствуется позднейшая «редакторская рука», украсившая повествование религиозным флером. Исследователь японской средневековой литературы профессор Итиноскэ Такаги отмечает, что в действительности самураи вряд ли были настолько верующими, как их рисует эпос*. Так, например, в ряде списков «Повести» вовсе отсутствует

* *Итиноскэ Такаги*. Повесть о доме Тайра. Окно в Средние века. Собр. соч.: Т. V. Токио, 1976 (на яп. языке).

П 42 **Повесть о доме Тайра** / пер. с яп. И. Львовой, А. Долина. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2024. — 736 с. : ил. + вкл. (32 с.). — (Иностранная литература. Большие книги). ISBN 978-5-389-26372-7

Стремительно возвысившись до вершин власти, могущественный клан Тайра двадцать лет фактически правил Японией. Князь Киёмори Тайра распоряжался судьбами знатнейших вельмож и даже самого императора. Однажды принц Мотихито попытался свергнуть владычество самоуправного феодала, но это окончилось плачевно и для принца, и для воинов клана Минамото, на чью поддержку он опирался, и даже для святой обители Миидэра, сожженной мстительным Киёмори за то, что монахи дали приют мятежнику. Но свирепые расправы не остановили врагов Тайра, а лишь разожгли их ярость. И вскоре запылала настоящая война, которая коренным образом изменила политическое устройство страны и навсегда отпечаталась в народной памяти.

На протяжении столетий слепые сказители-бива пели о трагическом противостоянии кланов Тайра и Минамото. Но «Повесть о доме Тайра» — это не просто рассказ о событиях XII века в популярном жанре «гунки», воспеваящий самурайскую доблесть и украшенный проникновенными стихами. Междоусобную войну «Повесть о доме Тайра» изображает без малейшего сочувствия к любой из сражающихся сторон, оплакивая разрушенные святыни, жизни, семьи и любви.

«Повесть о доме Тайра» — это японская «Илиада». Один из текстов, что питает корни национальной культуры. Без знакомства с ним невозможно приблизиться к пониманию Японии: ее литература, равно как и изобразительное искусство, насыщена сюжетами и реминисценциями, отсылающими к этому эпосу.

В оформлении настоящего издания использованы иллюстрации из старопечатных и рукописных книг и свитков, а также ксилографии художников стиля укиё-э и изображения с предметов декоративно-прикладного искусства Японии.

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44

ПОВЕСТЬ О ДОМЕ ТАЙРА

Ответственный редактор Екатерина Дубянская
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Мария Антипова
Подготовка иллюстраций Дмитрия Кабакова, Валерия Макарова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Ульяна Смирнова, Ирина Киселева

Подписано в печать / Баспага қол қойылды 07.08.2024.
Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 47,04 (вкл. вклейку). Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-ILN-35356-01-R